

ЖИЗНЬ ПУГАЛА



12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Потехин

Жизнь пугала

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Потехин Д. В.

Жизнь пугала / Д. В. Потехин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Погибший в Сталинграде немецкий офицер обретает вторую жизнь в виде пугала на колхозном огороде. Ему предстоит пройти трудное испытание, наградой за которое станет очищение и вечный покой.

Дмитрий Потехин

Жизнь пугала

Он открыл глаза. Точнее подумал, что открыл, потому что никаких глаз у него не было. Он даже не мог видеть в обычном смысле этого слова, он просто каким-то образом знал, что происходит вокруг. Кругом простиралась обширная пашня, усеянная мелкими зубчиками пробивающейся зелени. На голубом в легкой дымке небе совсем не было облаков. Слепящий, перебивающийся круг солнца рассыпался множеством золотистых лучей. Летали черные птицы.

«Что я здесь делаю?», – смутно подумал он. К собственному удивлению он вдруг осознал, что не лежит и даже не сидит, а стоит. Он повернул голову. Точнее подумал, что повернул. Увидел собственные руки в серых рукавах, торчащие по прямой линии вправо и влево. Не слишком-то они были похожи на руки... Он попробовал пошевелить ими. Не получилось. Рук он не чувствовал. Не чувствовал ног. Не чувствовал тела. Не чувствовал самого себя.

«Меня распяли на кресте?» – пронеслось в его несуществующем мозгу. – «Если меня распяли, я должен что-то чувствовать... Или у меня уже отнялись конечности?»

Он вдруг вспомнил, что не знает, кто он такой. Не знает вообще. Он лишь по привычке чувствовал, что ему положено ходить на двух ногах, иметь две руки, голову. Что он должен видеть, слышать и общаться при помощи рта и языка с себе подобными.

«А, может быть, получится увидеть себя со стороны», – подумал он. Едва пожелав этого, он словно отделился от самого себя и тут же отчетливо понял, что он собой представляет. Он действительно висел на кресте. По правде говоря, он и был этим крестом. Два длинных, неотесанных, сколоченных гвоздем и скрепленных веревкой крест-накрест шеста, с накинута поверх старой, драной шинелью и черным чугуном в качестве головы. Вместо кистей рук безжизненно свисали две рваные перчатки.

«Это я», – подумал он, хотя ничего, кроме, быть может, шинели, не казалось ему знакомым.

Его охватило отчаяние. Он понял, что слишком много видит и знает, чтобы оставаться тем, во что его столь нелепо превратила судьба. Он закричал, но не услышал собственного крика. Начал дергаться, выкручиваться, сжимать и разжимать воображаемые пальцы, сучить невидимыми ногами. Ему все еще казалось, что он распят, хотя он прекрасно понимал, что нет никакого «он».

Безмятежное майское солнце продолжало свое неспешное плаванье по небу. Пашня млела под его добрыми лучами. Вдали благостно зеленели луга, рассекаемые полосками дорог и окаймленные темной кромкой леса. На краю пашни искрилась молодой листвой тонкая березка, с ветвей которой лился беззаботный щебет жаворонка. Ни намек на зло, на чей-то коварный умысел.

Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он очнулся из небытия. Кроме птиц и мельком пролетавших мимо насекомых, все вокруг оставалось недвижно и спокойно.

Хотя он не чувствовал боли, невыносимая тоска едва ли чем-то уступала физическим страданиям. Что-то внутри его невидимого существа твердо знало: никто не придет, не поможет и даже не увидит его. Он был один. И что еще хуже – должен был оставаться один до конца своих дней, если этот конец когда-нибудь наступит. У него не было никаких, даже смутных воспоминаний, была лишь тень исчезнувшего навсегда прошлого. Тень какого-то огромного, самоуверенного знания, каких-то яростных, будоражащих страстей, какой-то иной, стремительно несущейся вперед, постоянно меняющейся, словно картинка в калейдоскопе, жизни. Было ли оно на самом деле? – даже на этот вопрос не мог он себе ответить.

Ничто не потревожило томительное течение дня. Лишь к вечеру вдалеке, за пашней показались белые фигурки людей: мужчин и женщин, идущих куда-то с длинными косами на пле-

чах. Скоро все они исчезли из виду, затерявшись в зелени лугов. Стуча копытами, проскакал на лошади полуголый мальчишка.

Когда, превратившись в расплавленное алое пятно, солнце медленно растеклось по линии горизонта, озарив ее пьянящим прощальным светом, наползавшие с востока сизые сумерки мигом накрыли землю. В небе одна за другой зажглись печальные звезды. Он не чувствовал ветра, но колыхавшиеся полы шинели напомнили ему о каком-то забытом, прекрасном ощущении.

Ночью он не спал, так как не мог спать. Он просто торчал посреди пашни в своих лохмотьях, зная, что происходит вокруг, изнывая от тоски, окутанный мраком и тишиной, которую нарушал лишь шорох случайной полевки или шелест пролетевшей мимо летучей мыши. Тьма казалась вечной. Он даже удивился, когда за далеким черным лесом болезненным светом забрезжили первые лучи.

А дальше все повторилось вновь. И вновь. Дни и ночи сменяли друг друга, словно медленно переворачивающиеся страницы бесконечной книги. Крохотные ростки со временем превратились в сочные, вьющиеся стебли с крупными, щетинистыми листьями и желтыми цветами. С утра до вечера вдали виднелись люди, занятые полевыми работами, а порой оглашающие местность красивым женским пением или грубыми перебранками. Единственным человеком, делившим с ним поле, был сторож, живший в маленьком шалаше у межи и время от времени обходивший территорию вместе со своей собакой. Морщинистый человек с пожелтевшими от махорки усами в потрепанной фуражке и обветшалой, залатанной куртке – как-то сторож подошел к нему, проверить, хорошо ли держат веревки, скрепляющие его убогое подобие туловища.

– Пользы от тебя, – тихо проворчал сторож, дымя самокруткой. – Лучше б на тряпки...

Старик вынул изо рта папиросу и, пожевав беззубым ртом, сплюнул на шинель. Он ушел, шелестя огуречной ботвой.

«Зачем?» – подумал он, равнодушно проводив взглядом сторожа и его пса. Ему казалось, что он уже когда-то видел этого старика и всех этих далеких людей. Но когда и как?

Он давно оставил надежду каким-то чудесным образом сорваться со своего шеста и броситься вдогонку за этим человеком, который так легко и свободно передвигается на своих двоих. Если бы у него был хоть малейший шанс, хоть ничтожная тень возможности... Он перевел взгляд на березу, которая, играя листвой, словно потешалась над ним.

Однажды в середине дня в поле прибежали босоногие мальчишки. Пока сторож и собака запропастились неведомо куда, они искали созревшие огурцы, играли в войну, стреляли в него из рогатки и тростниковых трубок. Один камешек попал ему в чугунок и со звоном отскочил. Вместе с этим звоном внезапно проснулось давно забытое чувство – воспоминание о боли. Он знал, что боль не лучшее, что было в той жизни, однако был готов молить небеса за возвращение хотя бы одного этого чувства. Боли, которая взорвала бы его бредовое существование. Мальчишки все больше досаждали ему. Он хотел, чтобы они убрались, перестали нарушать тишину, дразня его своей свободой, своей жизнью, так и бившей ключом. Особенно он разозлился, когда понял, что стал невольным участником их игры. Никто в прошлой жизни, какой бы она ни была, уж точно не смел использовать его в качестве мишени и декорации. «Идите сюда, ближе. Как только вы подойдете, порыв ветра повалит меня прямо на вас. Я вам покажу!» – уныло мечтал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.